

Симфонический театр Валерия Гергиева

Кудьматура - 1997 - 23 окт. - с. 13

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

Татьяна ГАЛЬПЕРОВИЧ

В Большом зале консерватории состоялся концерт симфонического оркестра Мариинского театра, посвященный памяти двух недавно ушедших великих музыкантов — Святослава Рихтера и Джорджа Шолти. Дирижировал оркестром Валерий Гергиев.

Гергиев принадлежит к числу тех артистов, чья жизнь расписана буквально по часам и минутам, — в Москву он прилетел за четыре часа до концерта и успел провести с оркестрантами одну репетицию. Была изменена заранее заявленная программа концерта — помимо Шестой симфонии Г. Малера, прозвучал «Прометей» А. Скрибина, в исполнении которого участвовали А. Торадзе (фортепиано) и Государственный академический русский хор имени В. Свешникова. Таким образом в программе были соединены два грандиозных сочинения, созданных двумя великими мастерами, творившими на рубеже XIX и XX столетий. Им суждено было завершить великую романтическую эпоху в музыкальном искусстве. Вместе с тем, пожалуй, трудно найти два столь противоположных по своим концепциям произведения. Авторы по-своему решают проблему взаимоотношений личности творца с окружающим миром. Скрибин одержим идеей всемогущества художника, приравненного им к творцу Вселенной, и весь мир осознается им как результат собственного творчества. Герой же Малера всегда трагически одинок в мире, несовершенном и полным злом, и Шестая — самая трагическая из всех симфоний композитора.

Исполнение «Прометея» впечатлило необыкновенной цельностью музыкальной мысли: дирижер мастерски управлял «звуковыми массами». Был передан сам процесс становления и развития скрибинской формы, отображающей, по мысли самого композитора, «дыхание Вселенной». В исполнении Гергиева и оркестра Мариинского театра грандиозность не исключала динамичности, что очень важно для восприятия скрибинских симфонических полотен. Все развитие — согласно скрибинской идее — отличали устремленность, направленность к заключительной, высшей точке,

на которой — опять же очень поскрябински — произведение как бы «обрывалось», подобно много-точию.

Симфонии Малера в последнее время пользуются в России особой популярностью — каждый из ведущих оркестров и дирижеров считает своим долгом подготовить собственный малеровский цикл — так, одна только Шестая уже была исполнена в Москве под управлением Е. Светланова, П. Когана, Р. Баршя. И вот теперь — В. Гергиева. Исполнение это, безусловно, — событие в «русской малериане». Во-первых, потому, что уровень оркестра оказался адекватным сложнейшему произведению Малера, что в российских условиях, к сожалению, не всегда возможно. Во-вторых, Гергиев — дирижер мирового уровня — представил действительно свою интерпретацию малеровского сочинения. Интерпретацию, пожалуй, остросубъективную, но в то же время достойную сравнения с классическими образцами. Слушая Малера в исполнении гергиевского оркестра, невольно думаешь о том, что перед тобой — театральный дирижер и театральный оркестр. Шестая симфония в этой трактовке наделена ярко выраженной театральностью и «персональностью» — темы, кажется, не «рождаются» из недр музыкальной ткани, а «являются», подобно героям спектакля. Само «преподнесение» музыкальных образов (особенно во второй части — скерцо) насыщено «событийностью» — контрасты и «столкновения» тем, разделов формы подчеркнута рельефны, а порой нарочито резки, как, например, в финале.

Одна из ключевых тем романтического искусства — «личность и мир» — в Шестой Малера заявлена с особой трагической остротой. Мрачные, «роковые» образы наступательно-агрессивны, их господство определено с самой первой темы симфонии, которая трактована дирижером как изображение «сил зла»: подчеркнута тяжеловетсна ритмическая пульсация, в тембровом ансамбле господствуют звучания струнных басов, ударных и низкой меди, мелодическая линия «закована» в эти жесткие рамки. Звучание хора — не более чем призрачное видение, а проникновенная лирическая мелодия — в плену все той же жесткой и механистичной ритмической «сетки», которая проходит через всю пер-

вую часть, охватывает скерцо и финал. Даже менуэтные и вальсовые «вкрапления» в скерцо звучат не как ностальгические воспоминания о прошлом, а как причудливые и жуткие «гримасы». Лишь в медленной части симфонии царствуют иные образы. В интерпретации Гергиева она — как единственный остров Прекрасного — очень явно противопоставлена остальным частям. От начала до конца ее проходит, как нить, единая «бесконечная мелодия», сперва чуть скованная и отстраненная, но постепенно доходящая до гимнического звучания. Трагический итог предопределен с самого начала: «злые» темы, мрачно-торжественные и помпезные, правят здесь безраздельно, а образы лирические возникают лишь как краткие, хрупкие «интермеццо», перебиваемые неумолимым ритмом марша.

Особенность интерпретации Гергиева в том, что ее можно «пересказать» так же, как можно пересказать сюжет оперного спектакля. Музыкально-драматургическая идея очевидна, Шестая Малера оказывается очень конкретной в своей программности. При этом малеровское произведение трактовано в духе симфонизма XX века, с явным «взглядом» в сторону Шостаковича, который, как известно, был продолжателем малеровской традиции в симфоническом жанре. Симфония Малера «услышана» дирижером и музыкантами как бы в контексте российской культуры и истории: «негативные» образы связаны в вполне конкретными ассоциациями. «Тоталитарный» оттенок узнаваем и в «победительных» маршевых ритмах, сопровождаемых барабанной дробью, и порой — как в главной теме финала — в банальных и до боли знакомых песенных интонациях. Не становится ли симфония в такой интерпретации слишком «плакатной»? Каждый по-своему ответит на этот вопрос. Во всяком случае любое великое произведение многослойно, и в своей трактовке симфонии Гергиев «открывает» тот слой, который близок нашему слушателю уже на подсознательном уровне. Цель дирижера — максимально воздействовать на слушателя, потрясать его, а это как нельзя более созвучно духу творчества Малера.

P.S. Спонсором гастролей, организованных Госконцертом, стал петербургский пивоваренный завод «Балтика».